

УДК 82.091

СЕВЕРНЫЙ ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ: ВЕРСИЯ ДМИТРИЯ НОВИКОВА

Иванова И.Н.¹

¹ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1), e-mail: ivanovairinna@mail.ru

В статье анализируется творчество одного из самых интересных современных прозаиков, лидера недавно появившегося на литературной арене современной России направления — «новой северной прозы». Проза Новикова рассматривается в аспекте геопэтики — новейшей области гуманитарного знания, исследующей проблемы локальных текстов различного уровня, в том числе текстов художественных. Автор статьи исследует поэтику и мифопоэтику Новикова, образную систему, язык и стиль его рассказов. Особое внимание обращается на классическую литературную традицию «северного текста» XX в., которую развивает и продолжает писатель (Пришвин, Соколов-Микитов, Казаков, Белов и др.) Исследуются особенности «северного текста», критерии и конститутивные черты, позволяющие включить «северный текст» в большой геопэтический контекст русской литературы.

Ключевые слова: современная отечественная литература, «новая северная проза», геопэтика, мифопоэтика, локальный текст, новый реализм

NORTHERN TEXT IN THE MODERN RUSSIAN LITERATURE: DMITRY NOVIKOV'S VERSION

Ivanova I.N.

North-Caucasus federal university, Stavropol, Russia [355009, Stavropol, Pushkina St. 1], e-mail: ivanovairinna@mail.ru

The article analyses the works of one of the most interesting modern prose-writers, the leader of a newish movement in the modern Russian literature – «new northern prose». Novikov's prose is regarded in terms of geopoetics — the newest branch of humanities knowledge which studies problems of local text of various levels including fictional ones. The author of the article examines Novikov's poetics and mythopoetics, system of images, language and style of his stories, emphasizing the classical «northern text» literary tradition of the 20th century, which is developed and carried on by the writer (Prishvin, Sokolov-Mikitov, Kazakov, Belov etc.) The article also investigates peculiarities of «northern text», as well as the criteria and constitutive features that allow including «northern text» into the large geopoetical context of the Russian literature.

Keywords: modern Russian literature, «new northern prose», geopoetics, mythopoetics, local text, new realism

Современная отечественная литература, вопреки мнению ее многочисленных критиков и недоброжелателей, отнюдь не находится в состоянии кризиса. Прошедшая шоковую терапию постмодернизма и вызванных им гуманитарных бурь девяностых и «нулевых», она неоднократно доказывала свою творческую состоятельность и жизнеспособность, постоянно выдвигая новые имена и предлагая новые возможные пути выхода из пресловутого «кризиса».

На наш взгляд, одним из самых результативных путей развития современной прозы может стать обращение российских писателей к локальному, региональному тексту. Это, разумеется, совсем не новейший «бренд»: достаточно вспомнить московский, петербургский или кавказский текст русской классики XIX в. или, например, лучшие образцы советской «деревенской прозы», буквально выросшие из культурной и природной почвы малой родины писателя. Алтай Шукшина, Байкал Распутина, Енисей Астафьева, Вологодчина

Белова не только получили мировую известность и прославили своих творцов, создавших уникальные художественные миры, но и доказали: русскому слову, особенно в периоды «кризиса», сознания исчерпанности прежних художественных форм и необходимости смены эстетической парадигмы, нужна родная почва.

В российской художественной (и не только художественной) прозе последних лет тенденция «возвращения к истокам» играет весьма важную роль (достаточно вспомнить, например, писательскую и просветительскую деятельность Алексея Иванова с его уральскими проектами, или замечательные «дальневосточные» тексты В. Авченко, или геопозитические штудии «Крымского клуба»). Одним из самых интересных явлений, так или иначе связанных с той же геопозитической парадигмой, нам представляется недавно заявившая о себе «новая северная проза».

Цель данной статьи состоит в выявлении и анализе художественных особенностей этого направления, манифестированного четырьмя писателями Карелии – Д. Новиковым, И. Мамаевой, А. Бушковским, Я. Жемойтелите. Пафос «новой северной прозы» вполне понятен: обращение к миру русской провинции (в данном случае – Севера), к проблемам живущих там простых людей, «молчаливых и честных» [2], к строгой северной природе, лечащей душу и противопоставленной городской – прежде всего столичной — суете и суетности. «Север всегда поставляет России самых лучших писателей, от Белова до Балашова, от Личутина до Дм. Новикова» [2]. К названным В. Бондаренко можно добавить еще несколько имен – М. Пришвин, И. Соколов-Микитов, Ю. Казаков, Ф. Абрамов и, конечно, отцы-основатели «северного текста» XX в. – Б. Шергин и С. Писахов. Не все они родились на Севере, но все были навсегда заморожены его странной и страшной красотой, его морями – Белым и Баренцевым, ледяными реками с невероятной рыбой, легендами и людьми. «Северный текст» в художественной литературе уже, казалось бы, сформирован как некая единая эстетическая система, предполагающая – и не обманывающая – определенные читательские ожидания. В советское время даже выходила «Библиотека северной прозы», имеющая своего благодарного читателя. Однако и «новой северной прозе» есть что сказать, и «внедрение» современного героя и типов конфликта в традиционный северный текст «пространства без времени» (Д. Новиков) позволяет автору не повторять своих великих предшественников.

«Новая северная проза» не всегда вызывает восторженный отклик критики, что вполне естественно. Так, петрозаводский филолог А. Струкова считает – и не без оснований, — что «общность тематики еще не рождает направления» и называет «новую северную прозу» просто «реализмом с северной тематикой» [5]. П. Басинский, говоря о двух тенденциях российской литературы – центробежной и центростремительной, с явной симпатией к

«центробежной», все же предупреждает об опасности провинциального высокомерия, которое ничуть не лучше столичного, и недопустимости противопоставления якобы «гламурной» Москве как важнейшего критерия объединения [1]. Однако, на наш взгляд, о направлении все же можно говорить, и только «северной» тематикой оно не исчерпывается: у того же Новикова немало рассказов, с Севером непосредственно не связанных. Но и в них, и в тех, где место действия – Карелия или Кольский полуостров (заметим, кстати, что ранее северный текст в сознании читателя был преимущественно связан с Архангельском или Вологодчиной), есть нечто общее.

1. Антиурбанизм. «Новая северная проза» органично вписывается в классическую парадигму противопоставления «города» и «деревни», «человека естественного» и «человека цивилизованного» (Руссо, сентиментализм европейский и русский, отчасти романтизм, советская деревенская проза). Север (природа и северная деревня) у Новикова и его коллег — место чистоты, подлинности, настоящей жизни и истинных ценностей. Он отчетливо противопоставлен некоему Городу, прообразом которого является Москва (к Петербургу и тем более Петрозаводску отношение иное — это ворота на Север). Сам герой (чаще всего безымянный, потому что «авторский») живет в городе, но свою повседневную жизнь считает ненастоящей, иллюзорной. Подлинная же его жизнь начинается лишь в поездках на Белое море или Кольский полуостров. Для героя рассказа «Куйпога» современный город – это царство жлоба, безграмотного хама с болотной жижей во рту и в голове [3, с. 83]. Даже отправляясь в путешествие с любимой женщиной, он кипит от злобы на город. «Унылые размышления о продажности всего и вся», чиновники-взяточники, вещающие с экрана о чести и доброте, девочки, отдающиеся за ужин в ресторане, отвратительный бизнес — все это он везет в себе на Север в надежде на покой и очищение. Для героя Новикова бессмысленны отпуска в «престижных» местах (туристический и отпускной Юг, куда все стремятся, — еще одна оппозиция Северу, символ лени, пассивности, отсутствия смелости и любопытства). Между тем всего 500 километров (и 1500 – от Москвы) разделяют человека и те места, где он понимает, как суетна и ничтожна его обыденная жизнь. На берегу моря герой преображается, почти как пушкинский пророк, меняется все восприятие мира, все органы чувств. «В глаза сразу дорожка солнечная... в ноздри – воздух свежий, пряный и густой, в душу – восторг тихий, незапятнанный. Называется все это Белым морем, и грош бездушному цена» [3, с. 7] («Другая река»). Герой счастлив только тогда, когда удается «вырваться, отдохнуть от внешнего, людского мира. От амбиций, крови, борьбы за живучесть, убежденности убеждаемых, символов веры и верности идолам» [3, с. 122]. Разумеется, все вышеперечисленное ассоциируется исключительно с городом, прежде всего столицей. Причем главный персонаж Новикова – это как раз

горожанин или его друзья из Петербурга, которые смутно чувствуют неудовлетворенность своей вполне благополучной жизнью и пусть не сразу, но принимают суровую правду Севера. В рассказе «В сетях твоих» герой спорит с другом Коневым о поморской этике, и тот заявляет, что сейчас так в городе не выжить. «А в городе нечего тогда и стонать по утраченному да смысла искать. Приняли, что волки, и живите так. Только зачем сюда многие едут?» [4, с. 333].

2. «Ролевая» система героев. В рассказах Новикова, подобно классическому театру или итальянской комедии масок, читатель встречает героев с определенным амплуа. Это «автогерой» — опытный «северянин», новичок (похожий на «чечако» из рассказов Джека Лондона – еще один явный прототекст Новикова), любимая женщина (как правило, отсутствующая, злая, жестокая, не способная понять героя), «мудрый старик» (старуха) и т.д. «Автогерой» — личность сложная, сочетающая хэмингуэвский образ «настоящего мужчины» с душевной тонкостью и уязвимостью героев Казакова, страдающих от внутренней раны. Новичок – обычно приятель героя, еще не понимающий, что такое Север. «Автогерой» пытается объяснить ему, что именно с ним происходит, чувствует ответственность за него: «Зря отпустил человечка слабого среди природы злой и людей недобрых» («Другая река») [3, с. 10]. Новичок может быть злым и агрессивным, приехавшим на Север, чтоб продемонстрировать свою «крутизну», как «яркий» питерец из рассказа «В сетях твоих», подравшийся с «автогероем». Новичок, как Володя из рассказа «Глаза леса», может испытывать приступы панического ужаса, даже выть от страха. Если вначале его пугают медвежьи кучи на тропе, потом он начинает чувствовать присутствие чего-то страшнее медведя: ему кажется, что в голову вошел парализующий шар. Лишь к концу рассказа и Володя, и Конев («В сетях твоих») начинают понимать Север, понимать, ради чего их притащил сюда друг – «северянин». Смысл такого путешествия – испытание, инициация, здесь нет мелочей и нельзя просто махнуть на них рукой, Север не терпит трусости и лени. Конев упускает пластмассовое ведро и ничего не предпринимает, чтобы его поймать, ведь это «всего лишь ведро». Реакция друга кажется Коневу неадекватной, тот впадает в ярость: «А раньше были всего лишь фашисты. А до них – всего лишь революционеры. А до них – всего лишь север, всего лишь пурга и всего лишь смерть» [4, с. 317]. Еще один «учитель» новичка – это местный житель (архетип «мудрого старика», реже – старухи) – «В сетях твоих», «Куйпога», обязательно с «пронзительными голубыми глазами», с острым, внимательным взглядом, все ведающий и понимающий, истинный сын (или дочь) Севера. Так, старуха из «Куйпоги» пускает бесплатно пожить молодую пару и с первого взгляда «считывает» их непростые взаимоотношения, отправляя их к месту отлива: знает,

что произойдет. Что касается женщины и ее особой роли в художественном мире Новикова, об этом – ниже.

3. Мизогиния. Женщина в суровом мужском мире Новикова – «значимое отсутствие» или присутствие существа совершенно иной природы. Это вечный источник страдания и душевной дисгармонии героя, коварное и злое существо, предающее и способное ударить по больному: «Виноват сам, знал о невозможности любви в этом мире, и все равно доверился, подставил мягкое брюхо» [3, с. 17]. Жолобков из рассказа «Жабы мести и совести» вспоминает ту, «которая недавно еще ему смеялась и дарила улыбку, тело, счастье обладания и искренность доверчивой души... Потом вдруг оказалось, что все рассчитано ею было в злые сроки» [3, с. 126]. В рассказе «На Суме-реке» у реки, разумеется «изменчивый женский нор», а любимая женщина героя (женатого), по его мнению, предает его – всего лишь тем, что хочет нормальную семью, а все «разумные, принятые вещи» вызывают у героя отвращение, так как ассоциируются с «мещанством». Девочка Марина из рассказа «Предвкушение» очаровывает мальчика, готового на все, чтобы ей понравиться, — и зло, яростно обвиняет его в том, в чем он не виноват. В рассказе «В сетях твоих» герой делит женщин на красивых и тех, что любят ездить на Север, причем возлюбленная обманывает его: прикидывается влюбленной в Север, выходит замуж – и настаивает на поездках к югу, что для героя равносильно предательству. Вывод: «А байдарка женщины надежней» [4, с. 310]. Поэтому идеальный мир – вообще без женщины. Так, прекрасное мальчишечье детство в «Переустройстве мира», описанное яркими, романтическими красками, — это детство без девочек: «Их как будто вообще не было, и мир был прост, яростен, прекрасен» [3, с. 33]. Один из героев рассказа «Глаза леса» сожалеет, что не взяли в поход девушку, на что второй отвечает: «Ну его на фиг, женщин этих. Передрались бы еще тут все» [4, с. 28]. В рассказе «Вокруг реки» семеро приятелей-рыбаков словно объединились по принципу «общей неженатости», и в разговорах у костра своих бывших иначе как тварями или стервами не называют [3, с. 138]. Дикий лагерь рыбаков («В сетях твоих») — нечто вроде гоголевской Сечи, исключительно мужское царство, в котором выясняют, «кто круче».

4. Пантеизм. Северная природа, причем одухотворенная, одушевленная, имеющая личность, фактически замещающая Бога или представляющая Его, имеет исключительное значение для героя. Он скорее пантеист, чем православный, не любит людей (кроме детей), но очень любит животных, рыб и птиц, о которых пишет с исключительной теплотой. Чувствуется, что герою близок шаманизм с его высокой этикой по отношению к убиваемым животным, у которых просят прощения, не причиняют лишних страданий и никогда – никогда! – не убьют ради забавы или больше, чем нужно. В рассказе «Другая река» герой не может убить косачей: они слишком красивы, доверчивы, а главное – «далеки от желания,

скользкой рыбой душу сосущего» [3, с. 13]. Подобно буддистам, именно в желании (вожделении, как названы один из рассказов и весь сборник) видит автор источник всех зол и душевной дисгармонии. В рассказе «Змей (Голос внутренних озер)» хозяин, убивая змей на своем участке, просит прощения у каждой. Испытывая лишь на Севере очищение, катарсис, восторг, герой чувствует, как в него проникает дух Внутреннего моря, и для него это больше, чем просто метафора: «И с перехваченным дыханием, как пойманная в сети рыба, ты поешь во славу его свои спиричуэлсы» [3, с. 87]. Озеро, чтобы дать рыбу, должно полюбить рыбака («Змей (Голос внутренних озер)»), с рекой нужно вступить в личные отношения, чтобы иметь возможность попросить ее о чем-то («Глаза леса», «В сетях твоих»). Перед лицом великой природы (и Создавшего ее) нельзя ссориться, нельзя быть зверем. В рассказе «Жабы мести и совести» братья Иван и «безымянный» Жолобков едва не убивают друг друга, грызутся, как дикие норки из-за куска мяса. И когда уже один из братьев в ослеплении злобы хватает топор, «вдруг совсем рядом гулко и надежно скакнула семга именем Его» [3, с. 131]. Сама природа останавливает братьев: с самого начала рассказа жабы, приходящие греться, вызывают симпатию обоим и словно пытаются донести до них какую-то «молчаливую, важную правду». Жабам, видимо, это не удастся: в финале одну из мудрых хранилищ мира герой отшвыривает ногой, и тогда Он посылает семгу – символ совершенного творения, чтобы остановить братоубийство. Красота северной природы – страшная, она может и наказывать, и любовь к ней сродни «страху Божьему», она заставляет трепетать, смотрит в душу («Глаза леса»). Она может прикинуться и обольстительной женщиной, но не стоит доверять ей и расслабляться, чтоб перед смертью «увидеть мгновение острого стального взгляда из-под трепещущих ресниц» [4, с. 9]. «Мандраж» героя, даже опытного и фактически «своего» здесь, перед походом, объясняется именно этим экзистенциальным ужасом прямого предстояния перед Ней (Природой) и перед Ним, Создавшим ее.

5. Прямая отсылка к традиции. Новиков не скрывает и даже подчеркивает свою принадлежность к великой северной культурной традиции: святой Варлаам Керетский, поморский фольклор, Шергин и Казаков как учителя неоднократно упоминаются в текстах писателя. Герой Новикова ощущает как свое, имеющее к нему самое прямое отношение, не только природу, но и историю Поморья: «Предки наши шли в неведомое, поморы и ушкуйники. Ну и что – лопари колдуны и шаманы были сплошь. Ну и что – Куйва на скале и сейды вокруг. У наших – крест на шее и топор в руках» [4, с. 32]. Святой Варлаам, живший в XVI в., оказывается чем-то вроде архетипа для местного мужественного героя: убивший горячо любимую жену, одержимую бесом блуда (по одной из версий жития), он три года плавает с ее трупом на борту лодки, пока не получает прощения от Бога («Другая река»). Восприятие его местными не похоже на отношение к святому: «История-то жуть. Но он

мужик настоящий, мужичара» [3, с. 10]. Герой «Другой реки», монологи которого «перебивают» монологи Варлаама, тоже наматывает десятки километров на лыжах, чтоб заглушить душевную боль, подобно святому, непрерывно плывущему вдоль Кольских берегов, чтобы искупить страшную вину (естественно, в обоих случаях причина душевной раны – женщина). Конфликт мужчины и женщины у Новикова – явно от «акварельных» классических рассказов Казакова («Осень в дубовых лесах», «Двое в декабре»), увлеченность поморской культурой и поморской «говОрей» (речью) – от Шергина.

6. Мифопоэтика. Большое значение в художественном мире Новикова имеет мифопоэтика. Это, прежде всего, женские образы: женщина-рыба, местные духи, почему-то называемые автором бесами, бес Катька, дающая рыбу, женщина – сама природа, жизнь (возлюбленная героя Вера, превращающаяся в Еву в рассказе «Куйпога»). Это жутковатая баба Лена, соблазняющая молодого туриста, едва не убитого ревнивым дедом («В сетях твоих»). И, конечно, это основная мифологема — Пути. «Нет ничего слаще и тревожнее, чем думать про путь... Ведь только в дороге ты по-настоящему свободен и честен перед Богом и собой... И лишь беря на себя всю радость бремени за дорогу к жизни или смерти, имея над головой всего лишь небо, ты становишься господин себе. И помочь тебе может лишь нательный крест, а помешать – лишь былые неправды» [4, с. 18]. Недаром большинство «закадровых» персонажей не проходят испытания пути: в «Глазах леса» из большой компании, собиравшейся на Поной, остались лишь двое, остальные просто испугались. Пытаясь успокоить друга-новичка, герой рассказа «Глаза леса» говорит ему: «Мы просто идет обычным русским путем...» [4, с. 32].

7. «Единство нравственного отношения автора к предмету». Известные слова Л.Н. Толстого о том, что является объединяющим началом в художественном произведении, в полной мере можно отнести к северной прозе Новикова. Герой ищет не красивых пейзажей, но справедливости, истины, нравственной чистоты, которую ему дает лишь Север. Это всегда риск: в финале «Другой реки» обреченный на глупую гибель герой, «привязанный» мощной рыбой ко льду, мысленно, ни во что уже не веря, обращается к страдальцу Валааму с просьбой о помощи. Другой, молодой писатель Виктор из рассказа «ОГОНЬ ВОДА», погибает нелепой и страшной смертью, поссорившись с «аборигеном» в очереди за водкой. Он не виноват – и виноват: слишком понадеялся на себя и свои силы, возгордился, недооценил опасность, исходящую от «небольшого роста человечка с татуированными фалангами и в ватнике» [3, с. 148]. Игра в «сильного мужчину» слишком дорого обошлась человеку, не знающему местных суровых законов. Смерть, яркая и даже веселая в рассказах героя, нашла его и потребовала «полной гибели всерьез». «Вот Володя и кинулся в северный поход за южным знанием. А знание – оно вне земной географии. География души

человеческой – вот оно где» [4, с. 20] («Глаза леса»). На Север герои Новикова ездят, как другие ходят на исповедь, — за очищением. Северная природа с ее жестокой силой «похожа на щедро украшенное рыбьей кровью лезвие, которое без усталости пластует тела, отбрасывает прочь всю внутреннюю смердь и одного добивается холодной своей силой – чистоты» [4, с. 41].

Список литературы

1. Басинский П.В. Не вреден Север для меня. 18.11.2013 / <http://www.rg.ru/2013/11/18/provinzia.html>.
2. Бондаренко В.Г. Десять книг года // Завтра. — № 4 (1053). – 23 января 2014.
3. Новиков Д.Г. Вожделение. — М.: Вагриус, 2005. – 320 с.
4. Новиков Д.Г. В сетях твоих. — М.: Эксмо, 2014. — 384 с.
5. Северные строчки. Писатели Карелии придумали новый вид прозы // <http://smartnews.ru/regions/petrozavodsk/13628.html>.

Рецензенты

Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Егорова Л.П., д.фил.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института повышения квалификации ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.